
ЖЕНЩИНЫ И СЕМЬЯ В РОССИИ

Публикуемой ниже статьей журнал начинает знакомить читателей с исследованиями российских и французских ученых по теме «Женщины и семья в России». По инициативе известного далеко за пределами Франции социолога права Ш. Курильски результаты научного поиска ученых двух стран будут представлены на страницах «ОНС» и «Droit et cultures» — французского ежеквартальника, специализирующегося на проблемах антропологии и права, в частности семейного права.

Данные публикации редакция рассматривает как своеобразное подведение итогов 1994 года, объявленного решением ООН Годом семьи.

Светлана АЙВАЗОВА

Женское движение в России: традиции и современность

Одной из главных сенсаций прошедшего политического года в России стало появление в Государственной Думе — парламенте страны — совершенно новой фракции: «Женщины России». Фракция возникла в результате победы на парламентских выборах в декабре 1993 года политического движения «Женщины России». Еще в канун выборов этого движения попросту не существовало, оно сложилось уже в ходе кампании как избирательное объединение трех женских организаций — Союз женщин России, Ассоциация женщин-предпринимателей России, Союз женщин Военно-морского Флота — с целью «выдвинуть и провести в Государственную Думу женщин».

Поначалу никто не воспринял этого движения всерьез, его шансы считались самыми низкими уже хотя бы потому, что единственным отличительным признаком стал признак пола — пола, отлученного от политики. Да и условия проведения кампании были жесткими: ей отводилось всего два месяца, в борьбу включилось тринадцать избирательных блоков, и лишь восемь из них преодолели пятипроцентный барьер, дававший право на получение депутатских мандатов. И тем не менее «Женщины России», обойдя партии и объединения с гораздо более солидными стартовыми возможностями, сумели получить 8,13% голосов избирателей, поданных за избирательные блоки. Результат оказался почетным и внушительным. Не случайно о «Женщинах России» до сих пор говорят на научных диспутах, партийных съездах, на страницах печати.

Однако комментариев по существу дела очень немного. К примеру, ни один из обозревателей до сих пор не обратил внимания на самое очевидное: «Женщины России» — первая в истории страны группа парламентариев, намеренных сознательно отстаивать социальные интересы женщин как особой категории избирателей.

¹ Пресс-релиз Избирательного объединения «Женщины России», 20 октября 1993.

Более того, это намерение было воспринято как нечто курьезное, чуть ли не каприз отдельных взбалмошных гражданок, прорвавшихся к власти ради собственного тщеславия или даже корысти и теперь ищущих себе оправдания. «Хороший» тон в общественном мнении предполагает совсем иное: долгие рассуждения о «естественном», природном назначении женщины, о ее главной функции — матери, продолжательнице рода, воспитательнице детей. Солидные ученые мужи или деятели культуры совершенно серьезно утверждают, что любое нарушение «естественной» иерархии полов чревато гибелью всей культуры. И их слушают, им вторят. Что же обеспечивает их популярность? Только ли усталость от эмансипации по-советски? Или мода на патриархат, восстанавливающийся на обломках социалистического прошлого? Отчасти и то и другое.

Но имеется обстоятельство еще более сложное, пока не явное и не совсем осознанное. Похоже, что в России вновь начался процесс выделения частной жизни как ниши личной свободы и автономии индивида в особую сферу, независимую ни от государства, ни от общества.

Известно, что это процесс двойственный и противоречивый. С одной стороны, он создает предпосылки и условия для развития демократии, которая невозможна без автономии индивида. А с другой — предполагает (на данный момент), что сфера частной жизни обозначается и закрепляется через утверждение авторитета главы семейства, мужа, мужчины. И соответственно, за счет закрепощения или привязывания к ней женщины. Свобода одного означает в данном случае несвободу другого. Протест женщины против такого положения вещей дает толчок женскому бунту и в конечном счете среди прочих причин становлению женского движения. Оба эти процесса — формирование пространства частной жизни и становление женского движения — требуют своего идейного оправдания. В одном случае используется миф о природном назначении полов, в другом — его опровержение со ссылками на социальную природу человека, социальный характер отношений между полами.

Успех политического движения «Женщины России» на выборах в декабре 1993 года дает основание полагать, что миф о естественном назначении женщины вряд ли способен прижиться в стране, где женщины почти все поголовно работают, где они в среднем образованнее мужчин и так или иначе привыкли к определенным формам общественной активности. Как же в таком случае будет происходить формирование пространства индивидуальной автономии? Может быть, за счет образования партнерской семьи, где одинаково ответствен и значим каждый из ее членов — и муж, и жена, и дети? Тем более, что такой тип семьи, равно как и процесс автономизации индивида, уже однажды складывались в России. Складывались в прошлом веке на фоне медленной и мучительной модернизации страны, ее постепенного приспособления к требованиям нового, буржуазного времени. Эти процессы во многом были оборваны социалистической революцией, заново переподчинившей и частную жизнь, и самого индивида государству, которое с еще большим усердием, чем государство монархическое, контролировало и корректировало жизнь своих подданных. Но ведь что-то должно было выпасть в осадок и так или иначе влиять на сегодняшний социальный выбор женщин и мужчин. На что же позволяют рассчитывать и надеяться эти заделы прошлого — на привычку к иерархическому подчинению, служению и покорности, а значит, к авторитаризму, или все-таки на взаимодействие, партнерство, соучастие женщин и мужчин в развитии демократии? И какую роль в накоплении демократических норм общежития играло и играет женское движение?

В романе Л. Толстого «Анна Каренина» есть одна сцена, вроде бы проходная, предназначенная служить фоном для события очень важного — повторного сватовства Левина к Кити Щербацкой. Речь в этой сцене идет о модном в ту пору вопросе о женском образовании, о свободе женщин, их «правах» и «обязанностях». Стива Облонский, герой, скорее, «отрицательный», горячо вступает за право женщины быть независимой и образованной. Его жена Долли, героиня идеальная, столь же горячо возражает ему, доказывая, что основное дело любой женщины — в семье, своей ли, чужой ли. Ее поддерживает любимец автора, старый князь, и заявляет, что все эти новомодные женские притязания равнозначны тому, «что я искал бы права быть кормилицей...». А в это время главные герои романа Левин и Кити в стороне от разговора заняты своим особым, «каким-то таинственным общением»². Именно в этом таинственном общении, по Толстому, разгадка спора:

Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. 8. М., 1963, с. 456—457.

семья, любовь к мужу, продолжение рода — здесь и только здесь все «обязанности» и все «права» женщины. Это — ключ к роману «Анна Каренина». А спустя еще четверть века, в 1899 году, откликаясь на очаровавший его рассказ А. Чехова «Душечка», Толстой подчеркивает, что высшее назначение женщины даже не столько в воспитании и кормлении детей, сколько «в полном отдании себя тому, кого любишь», и заключает: «Удивительное недоразумение весь так называемый женский вопрос, охвативший, как это должно быть со всякой пошлостью, большинство женщин и даже мужчин!».

Между тем это «недоразумение» всерьез занимало Толстого. И роман «Анна Каренина» был задуман им в качестве противоядия к очень популярной в ту пору в русском обществе книге английского философа и социолога Дж. Милля «Подчиненность женщины». Эта книга вышла в России в 1869 году, мгновенно разошлась, была несколько раз переиздана. Заметим, что в отечестве были и свои пророки освобождения женщин. Великий поэт А. Пушкин был первым, кто вступил в спор со своим веком о праве женщины на свободу воли и свободу чувства, на образование и самореализацию. И если внимательно вчитаться в роман «Анна Каренина», можно обнаружить, что Толстой спорит даже не столько с Миллем, сколько с Пушкиным. Анна Каренина — антипод героини романа «Евгений Онегин» Татьяны Лариной. Вслед за Пушкиным и передовое общество России увидело в ней идеальный образец «новой» русской женщины. Такая женщина — прежде всего личность, личность самостоятельная, способная к нравственному выбору. В противоположность Пушкину Толстой был глубоко убежден в том, что женщина тем совершеннее, чем меньше в ней личностного начала, чем полнее она способна раствориться в детях, муже, семье. По Толстому, в женщине в принципе отсутствует способность к нравственному выбору (это привилегия мужчин), в ней может быть лишь готовность понять и принять свое призвание. Как принимает его героиня «Войны и мира» Наташа Ростова в браке с Пьером Безуховым; как принимают его Долли и Кити. Трагедия Анны — в притязании на собственный выбор, на личное счастье.

Толстой убежден, что «идеал совершенства женщины не может быть тот же, как идеал совершенства мужчины. Допустим, что мы не знаем, в чем этот идеал, во всяком случае несомненно то, что не идеал совершенства мужчины. А между тем, к достижению этого мужского идеала направлена теперь вся та смешная и недобрая деятельность модного женского движения, которое теперь так путает женщин»⁴. Эти слова Толстой пишет в самом конце XIX века. Пушкин в начале того же века и, в сущности, по тому же поводу — в преддверии становления и развития нового женского сознания, женской личности — пишет прямо противоположное: «Не смешно ли почитать женщин, которые поражают нас быстротою понятия и тонкостью чувства и разума, существами низшими в сравнении с нами! Это особенно странно в России, где царствовала Екатерина II и где женщины вообще более просвещенны, более читают, более следуют за европейским ходом вещей, нежели мы, гордые Бог ведает почему»⁵.

Эти два подхода к женщине, как два полюса в русском общественном мнении, а точнее, даже в русской социальной культуре, одновременно европейски подвинутой и глубоко архаичной, создавали напряжение, в поле которого разворачивались процессы автономизации индивида, образования ниши частной жизни, и — параллельно — становления женского движения.

«Следование за европейским ходом вещей» — модернизация в самом широком смысле этого понятия — центральная проблема России на протяжении всего XIX века, вплоть до 1914 года. Первая попытка реформ в этом направлении была предпринята еще Александром I. Ее неудача, мятеж 1825 года, николаевская реакция задержали Россию у их начала. Позор Крымской войны обрек страну на глубокое реформирование и хозяйственного уклада, и общественного устройства. Речь шла прежде всего об отмене крепостного права, а затем о конституционно-демократическом переустройстве страны. Затягивание реформ накаляло ситуацию, раскалывало Россию на два лагеря — правительственный и оппозиционный, лагерь освободительного движения. Иногда они

³ Толстой Л. Н. Собр. соч. Т. 15, с. 318.

⁴ Там же.

⁵ Пушкин А. С. Сочинения в 10-ти томах.. Т. 7. М., 1962, с. 215.

шли на недолгое перемирие, но чаще вели между собой войну, войну на физическое уничтожение. Немногим хватало трезвости для медленной вдумчивой работы в условиях постоянного напряжения, в предчувствии обвала, катастрофы. Но как раз за счет этой работы и шло реформирование — освобождение от рабства миллионов крестьян, освоение новых экономических отношений, развитие промышленности, земского и городского самоуправления, судебная реформа, подъем народного образования.

Начиналось и втягивание женщин в общественное производство, на первых порах речь зашла о «дворянском» и «разночинном» женском пролетариате, т. е. о девушках из стремительно разорявшихся дворянских семей и представительницах разраставшегося разночинного слоя, вынужденных зарабатывать себе на жизнь самостоятельным трудом. Именно эти «благородные девицы» вошли в число новых русских людей, образованных, мыслящих, с повышенной чуткостью к общественным проблемам, готовых служить России, но не прислуживать власти имущим. Они-то и стали провозвестницами женского движения в стране.

Одна из них, М. Цебрикова — сотрудница радикальных «Отечественных записок», получила всемирную известность благодаря публикации «Открытого письма» к императору Александру III. Письмо было написано после покушения на Александра II в марте 1881 года. Это время называли полосой безнадежной тоски и полного нравственного банкротства. Против него-то и осмелилась протестовать тогда уже немолодая женщина. Монарх, до которого письмо дошло, в ответ на него задал лишь один недоуменный вопрос: «Ей-то что за дело?» . В самом письме Цебриковой был ответ на царское недоумение. Она писала: «Мои личные мотивы — это право раба протестовать... и в Древней Руси были единичные протестанты... XIX век принес одно новое, что протестовала женщина». Но даже не это было для автора письма главным. Ее страшило предчувствие, что слепое неприятие общественного мнения, общественного стремления к переменам толкает Россию к гибели, к революции: «Я прямо говорю,— заявляла Цебрикова,— я боюсь революции, боюсь крови. Я могу умереть, но не помогать смерти. Наше правительство делает для ее вызывания гораздо больше, чем все красные вместе взятые» . Письмо датировано 19 января 1890 года. Оно потрясает точностью предчувствия.

Но это еще и показательный документ по истории русского женского движения, русского феминизма. Характерна фигура автора письма — шестидесятницы, активистки первой волны женского движения, которая пришла на рубеж 50—60-х годов XIX века, представительницы дворянской интеллигенции, перешедшей на позиций служения народу и выбравшей лагерь демократии, но демократии умеренной, о которой сегодняшняя Россия знает много меньше, чем о демократии революционной.

Характерен и адресат Цебриковой, как характерна и его реакция на это письмо. Реакция абсолютного монарха, который не может усомниться в том, что подданные почитают его, как Бога. Так оно и было — ведь речь идет о глубоко патриархальной, по преимуществу крестьянской стране, где преобразования затрагивали лишь самый верхний и очень небольшой слой общества. Такой радикальный критик самодержавия, как М. Бакунин, которого трудно заподозрить в преувеличении, подчеркивал: «Патриархальность есть то главное историческое, но, к несчастью, совершенно народное зло, против которого мы обязаны бороться всеми силами»⁸. Эта патриархальность, против которой поднималось и русское женское движение, согласно Бакунину, создает в России особый тип социальной жизни. Ее отличительная черта — «поглощение лица миром», подчиненность индивида общине, артели. Община, «мир» для русского человека — естественное продолжение его семьи. Он до седых волос покорен родителям в своей семье, покорен общине, миру, царю, который стоит над всеми общинами как всеобщий патриарх и родоначальник, «отец всей Руси»⁹.

Иными словами, Бакунин говорит здесь о нераздельности сфер общественной и частной жизни как главной причине, тормозившей продвижение России по пути модернизации. В патриархальной России не было места, где могла бы формироваться независимая, самостоятельная личность, не

⁶ Цебрикова М. К. Письмо к Александру III. СПб., 1906, с. 44, 48.

⁷ Там же.

⁸ Бакунин М. А. Философия, социология, политика. М., 1989, с. 515.

⁹ Там же, с. 517.

было пространства для автономии индивида. Подчеркнем вслед за Бакуниным, что семья — главная ячейка патриархального уклада — держалась в России не на авторитете взрослого мужчины, а на авторитете его родителей, причем обоих — отца и матери. Значит, эта семья не позволяла мужчине чувствовать себя взрослым, совершенно самостоятельным и независимым существом. А уж о женщине и говорить нечего. Но зато, когда она переходила на роль бабушки, ее влияние в доме резко возрастало.

Характерный для русской жизни культ бабушки говорит о каких-то остаточных элементах материнского права в русской семье. О том же свидетельствует и сохранявшееся за женщиной право на участие в жизни общины, мира, если муж отбывал на заработки или в случае ее вдовства, а также право русской женщины на раздельное владение своим имуществом в браке. Можно предположить, что несмотря на глубокую патриархальность русской жизни, а может быть, именно вследствие этой патриархальности женщина не была существом абсолютно зависимым от мужчины. Скорее, напрашивается другой вывод. Поскольку и мужчина, и женщина находились под опекой мира, общины, государства, в значительной мере взявшего на себя еще и функции рода, то между ними существовало некое Подобие равенства в рабстве — в рабской зависимости от всех этих властных структур.

И в силу того, что с начала XIX века потребность освобождения от этой зависимости становится главной для мыслящего русского человека, представители обоих полов с равным пониманием воспринимали идеи феминизма, освобождения женщины, женского движения. Феминизм рассматривался в России в первую очередь как движение за освобождение человеческой личности — любой, будь то женщина или мужчина — из-под власти *родового* начала. В этом выделся его глубинный, сущностный, смысл. На эту сторону феминизма, в частности, обращал особое внимание Н. Бердяев, подчеркивавший, что «женская эмансипация, конечно, является симптомом кризиса рода, надлома в поле... Глубокие потрясения пола упреждают наступление новой мировой эпохи. Новый человек есть прежде всего человек преображенного пола, восстанавливающий в себе андрогинический образ и подобие Божье, искаженное распадом на мужское и женское в человеческом роде»¹⁰.

Феминизм довольно быстро и легко распространился в России, причем в основном в гуманистической своей версии, и никогда не впадал в крайности вроде объявления «войны полов». На рубеже 50—60-х годов прошлого века передовое русское общество, которое к тому времени уже стало определять вкусы, предпочтения, даже вырабатывать нормы социальной жизни, стояло на стороне женской эмансипации, женского движения. Автором первого манифеста русского феминизма стал литературный критик М. Михайлов¹¹, первым горячим проповедником женского образования — знаменитый хирург Н. Пирогов, его поддерживали такие крупные ученые, как И. Сеченов, П. Лесгафт, Н. Костомаров. А символом веры для шестидесятников был роман Н. Чернышевского «Что делать?». Чернышевский поднял в нем тему эмансипации до уровня наиболее значимых проблем русского общества. Для него гуманизация отношений между полами — необходимая основа радикальных перемен в обществе. Он рассматривал эмансипацию как процесс двусторонний, в равной мере необходимый и мужчине, и женщине.

Чернышевский был убежден, что в преобразовании отношений между полами, в перераспределении труда между ними, в установлении партнерства, равенства, взаимного доверия и уважения мужчина должен быть не просто активным началом, но, если нужно, и началом страдательным — ведь на нем лежит вина за многовековое рабство женщины. Чернышевский предлагал что-то вроде мер по «позитивной дискриминации» мужчины — его повышенной ответственности за перестройку отношений между полами, и в первую очередь семейных отношений. Это был самый яркий признак начавшегося процесса разделения сфер частной и общественной жизни и перестройки семейных отношений на новых, партнерских, началах.

Именно поэтому центральное место в его романе занимает тема любви, новых, свободных форм брака — тема необычайно популярная в то время. Новые люди, представители передового русского общества, не просто поддерживали идеи преобразования патриархальной семьи, но в реальной жизни противопоставляли этой семье либо свободные союзы, либо фиктивные браки,

¹⁰Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989, с. 418.

¹¹См. Михайлов М. М. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе. «Утопический социализм в России». М., 1985, с. 301—309.

заклучавшиеся по идейным соображениям во имя освобождения женщины. Вступив в фиктивный брак, женщина получала свободу из рук мужа-единомышленника. Этот брак позволял ей, имея разрешение мужа, поступать на службу, учиться, уезжать за границу для получения диплома о высшем образовании, пока такие дипломы не стали выдавать в России, и т. д. Общество легче мирилось с такими союзами, чем с самостоятельностью одинокой женщины.

Вообще, новые люди искренность и глубину чувств ставили выше закона, любовь, справедливость, добро — даже выше права, а чувство человеческого достоинства, скорее, связывали с искренностью самовыражения, чем с самоутверждением. Может быть, поэтому в России так прижились фиктивные браки, а потом и свободные союзы, которые на какое-то время стали чуть ли не нормой жизни даже в крестьянской среде. А возможно, это произошло еще и потому, что демократическая оппозиция воспринимала традиционную семью как оплот патриархальности, который следует разрушить в первую очередь и разрушить до основания. Тот же Бердяев считал, что патриархальная семья в России представляет собой еще более страшную тиранию, чем тирания самого государства, и писал: «Иерархически организованная, авторитарная семья истязает и калечит человеческую личность, и эмансипационное движение, направленное против таких форм семьи, имеет глубокий персоналистический смысл, есть борьба за достоинство человеческой личности»¹².

Роман Чернышевского при всей его художественной беспомощности стал событием в русской идейно-политической жизни. На него так или иначе откликнулись практически все крупные мыслители: Ф. Достоевский, Л. Толстой, В. Соловьев, Н. Бердяев, В. Розанов, Н. Федоров. Кто-то из них склонялся к защите устоев патриархата, кто-то заговорил о вечной женственности и мировой душе, о равнозначности Софии и Логоса. Представители Серебряного века русской философии уже на рубеже XIX—XX веков развернули тему шире и повели спор о тайне пола, жизни, смерти, любви, о преходящем значении патриархатного деления социальных ролей на «мужские» и «женские», о конечной андрогинности совершенного человека.

Вершиной этого спора стала статья Соловьева «Смысл любви». Автор, в сущности, впервые в истории христианской мысли поднял вопрос о том, в чем принципиально заключается смысл любви между полами, чему служит человеческая любовь? Для него оправдание любви — не в деторождении, не в продолжении рода, а в совершенствовании самой личности, в «соединении неба с землей», «духовного с телесным», «божеского с человеческим», а сама любовь — «процесс богочеловеческий»¹³.

В этом высоком философском споре речь шла о процессе эмансипации или автономизации как об освобождении каждого человека от «рабства принуждающей объективности», «от власти общего, родового», оформленного в нормы патриархата, и, что особенно важно, об освобождении через любовь, посредством любви — духовной и телесной. Для России такой поворот проблемы означал попытку выйти за пределы ее традиционной культуры, заглянуть за ее горизонт по крайней мере в том, что касалось обоснования роли и назначения женщины, новых отношений между полами. Задача была трудной. Ведь традиционная культура возвышала женщину в первую очередь как силу родовую, животворящую, как мать. Мать-прародительница, мать-земля, Богородица — вот набор архетипов этой культуры, обозначающих место и функцию женщины. Индивидуальные качества, качества духовные женщина обретала здесь лишь в роли бабушки — сексуально нейтрального или даже асексуального существа. Почему это так?

Даже при самом поверхностном анализе русской архаики — сказок, фольклора — возникает впечатление, что стихия женского начала всегда была в России необузданной, неукротенной, поэтому культура табуировала эту стихию гораздо строже, чем на Западе. Запад, скажем, знал эпоху средневековых трубадуров и менестрелей с их культом Прекрасной Дамы, культом земной, приближенной Мадонны, Мадонн Ботичелли и Рафаэля, одухотворивших обнаженную плоть. В России всего этого и близко не было. Русская иконография и помыслить не могла об образе Богородицы с обнаженной грудью. На русской иконе Богоматерь всегда тщательно окутана Покровом, это сила Надмирная, Заступница перед Богом, Покровительница.

¹²Бердяев Н. А. О рабстве и достоинстве человека. «Философия любви». Т. 2. М. 1990 с. 407.

¹³Соловьев В. С. Смысл любви. «Русский Эрос или философия любви в России». М., 1991, с. 89.

«Чур меня, чур», — восклицает русский человек, сталкиваясь с обнаженной женственностью, с женственностью и чувственностью полной, неприкрытой. Все творчество Л. Толстого именно об этом, а «Крейцера соната» — просто крик души, зовущей укротить страсть, укротить желание жестким регламентом, продиктованным потребностями рода и не больше. В культуре, строгой до ханжества, его призывы к растворению, самоотречению женщины в материнстве, в служении семье, мужу, детям, а не к самообретению, как у В. Соловьева, звучали органично и убедительно. Настолько убедительно, что многие русские феминистки прельстились этими призывами. Разделяя позицию Толстого, они решительно осуждали все попытки утвердить на русской почве начала новой сексуальной практики — контроля над рождаемостью, сознательного материнства, «присвоения» тела и сексуального желания. Роман М. Арцыбашева «Санин», появившийся в начале XX века и вполне невинный с точки зрения современной морали, встретил бурю негодования в обществе только потому, что автор осмелился заговорить в нем о тех ловушках, которыми чревато для женщины сексуальное влечение, страсть.

Именно этот барьер, не просто отделяющий женскую личность от общего, родового, но и противопоставляющий в определенный момент личность роду, отчаянно пытался взять в начале нынешнего века русский феминизм, решая тем самым задачи принципиально важные не только для женского, но и для всего демократического движения страны, вообще для ее судьбы. Одолению этого барьера мешало многое: традиции архаичной в глубинных своих пластах социальной культуры, задавленность общества государством, «лица — миром», неотделенность частной жизни от общественной. Мешало и то, что русский феминизм, русское женское движение развивались не в горниле буржуазной революции, а на подступах к ней, растянувшись на добрые полвека, а то и более. Мешало, наконец, само положение феминизма в освободительном движении страны. Женское движение входило в него составной частью, но отнюдь не самой значительной. И вопросы решало, как тогда полагали, не самые главные. Самым важным считалось освобождение России от феодально-абсолютистского строя. Освобождение как можно более быстрое, полное, радикальное, а взамен него — построение нового общества, общества подлинного равноправия и свободы, некоего Града Грядущего.

Русский максимализм, устремленность «к концу» в полной мере давали о себе знать в освободительном движении. Женщины шли в него потоком и потому, что оно обещало им их личное, женское освобождение, и потому, что оно обещало освобождение России. Революционный радикализм также можно считать особым фактором, воздействовавшим на женское движение России. Уже в 70-е годы XIX века женщины, по самым приблизительным подсчетам, составляли пятую часть активистов революционного крыла демократического движения. Эта доля оставалась почти неизменной на протяжении всего XIX века. Советская историография доказывает, что женщины-революционерки были наиболее последовательными сторонницами равноправия полов — ведь они добивались «равного с мужчинами права на каторгу и смертную казнь»¹⁴. История женщин в революционном движении достаточно полно освещена в этой историографии.

В тени остался умеренный, либеральный поток женского движения, который, собственно, решал его задачи и довольно успешно. В начале XX века в передовом слое русского общества женщины чувствовали себя не менее полноценными индивидами, чем мужчины, во многом благодаря усилиям первых русских феминисток — Н. Стасовой, А. Философовой, М. Трубниковой и многих, многих других их сподвижниц. Любопытное свидетельство тому оставила в своих воспоминаниях феминистка уже «второго призыва» А. Тыркова-Вильямс. Она писала: «Мы были равны не перед законом, я перед общественным мнением, особенно в тех кругах, где я жила... Мне уступали дорогу, придвигали стул, оказывали те мелкие знаки внимания, которые благовоспитанные люди привыкли оказывать женщинам. Но это нисколько не нарушало полного равенства, прелесть которого я оценила только попав в Англию. Там я наблюдала, как при внешнем почтении, несравненно большем, чем отдавали женщинам в России, англичанок держали за чертой, в своего рода женском гетто, которого не поколебали ни избирательные права, ни появление женщин в парламенте»¹⁵.

¹⁴ Павлюченко Э. А. Женщины в освободительном движении России. М., 1988, с. 239. В книге дана очень полная библиография по вопросу участия женщин в освободительном движении России.

¹⁵ Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. Лондон, 1990, с. 396.

Перемены в нравах, в нормах поведения — процесс долгий и сложный. Русские феминистки сумели воздействовать на него уже в первый период развития женского движения в России — от реформы 1861 года до революции 1905 года. Это было время, когда женское движение вставало на ноги, приспособляло общие задачи феминизма к конкретной ситуации в России, когда решались самые практические и самые насущные вопросы женского труда, его оплаты, образования, когда женщины учились поддерживать друг друга в коллективных действиях — в ассоциациях, артелях, группах, коммунах. Вопрос об их гражданских и политических правах не вставал потому, что этих прав в России не имел никто.

Революция 1905 года совершенно изменила эту ситуацию. Мужская часть населения страны после публикации Манифеста 17 октября 1905 года получила определенные гражданские и политические права и свободы. Женщины гражданского признания не получили. И сразу же начали требовать, добиваться его. С этого момента наступает второй период в развитии женского движения в России. Это пора его зрелости, правда, недолгая — с 1906 по 1917 год. Женское движение крепнет за счет расширения и обновления социальной базы. В России набирает силу промышленная революция, появляется настоящий женский пролетариат, который так же, как прежде «дворянский» и «разночинный» женский пролетариат, осваивает идеи феминизма. Женское движение становится гораздо более разнообразным, многосоставным, усложняются и его идейные формы. Однако цель у всех его потоков одна — уравнивание женщин в гражданских и политических правах с мужчинами перед лицом закона. Этим озабочены и самое крупное, самое прочное «Русское женское взаимно-благотворительное общество», и радикальный «Союз равноправности женщин», и «Женская прогрессивная партия», и «Российская Лига равноправия женщин», и многие другие женские организации. Подшивки газет того времени рассказывают о женских митингах и собраниях, заявлениях и обращениях по поводу женского политического равноправия. Женские организации посылают петиции в первую, а затем во вторую и третью Государственные Думы с требованием гражданского признания женщин. Кульминация событий — 1-й Всероссийский женский съезд, ставший свидетельством зрелости женского движения в предреволюционные годы, а также свидетельством зарождения в России демократии, зарождения медленного, мучительного, оборванного первой мировой войной и революциями 1917 года.

Съезд проходил в Санкт-Петербурге с 10 по 16 декабря 1908 года. Инициатива его проведения принадлежала «Русскому женскому взаимно-благотворительному обществу». Он собрал более тысячи участников — делегатов от различных женских групп, объединений, от женских фракций в политических партиях, а также исследователей, журналистов, представителей общественности, политических и государственных деятелей. Русский феминизм был представлен на съезде во всем разнообразии подходов, оценок, определений. На съезде выступили все: и те, кто был занят только благотворительной деятельностью или просвещением, и те, кто отстаивал право женщины на труд и социальную защиту, а также те, кто формулировал самые крайние лозунги гражданского и политического равноправия женщины. Высказались представительницы умеренного, или, как их в ту пору стали называть, «буржуазного», феминизма и их ярые противницы — пролетарки, старательно увязывавшие женский вопрос с вопросом социальным, и — параллельно — сторонницы единого женского движения, направляемого одним центром, и представительницы женских фракций в партиях; которые говорили о своей озабоченности не только женскими, но и общеполитическими проблемами и потому не были склонны к безоговорочному единению всех и вся. Обсуждали вопросы социально-экономического и политического положения женщины, ее правового статуса в семье и обществе, говорили об итогах и задачах женского движения, о перспективах социального освобождения женщин.

На этом фоне казалась почти незаметной та дискуссия, которая предвосхищала споры нашего времени, споры неофеминизма, нерешенные и по сей день. Это — дискуссия между сторонницами эгалитарного феминизма и поборницами феминизма «отличия». Естественно, что в тот момент, когда русские женщины только добивались для себя гражданства, сама ситуация делала более убедительной позицию сторонниц феминизма равенства. Они говорили о всеобщих ценностях демократии на языке привычном, общепринятом и настаивали на признании женщины в качестве такого же полноценного и полноправного субъекта, каким к тому времени считался мужчина. Общие интересы демократического движения России они отождествляли с интересами женского движения, больше того, считали задачи становления общедемократического движения, развития правовых норм более значимыми для жизни общества, чем задачи собственного женского движения.

Им казалось, что специфика российской жизни — потребности борьбы с самодержавием и абсолютной монархией — оправдывает их позицию. На этом сходились и буржуазные феминистки, и пролетарии.

На ином языке, почти непонятном тогда, говорили на съезде те, кто сомневался в универсалиях, в том числе и в универсальности права, видел во всеобщем равенстве проявление неравенства; к ним примыкали те, кто считал, что для признания женской субъективности необходимо подчеркнуть ее превосходство над субъективностью мужской. В пылу полемики сторонницы феминизма «отличия» разошлись между собой: одни звали вперед — к обретению женской субъективности через присвоение индивидуальности во всей ее полноте, включая и присвоение тела, через свободу сексуальных отношений с помощью контрацепции или даже аборта; другие, напротив, настаивали на отречении от «греха» плоти, на ее нравственном обуздании, на строгом подчинении сексуальности интересам рода.

Последнее слово на съезде получила писательница О. Шапиро, возглавившая позднее работу по подготовке к изданию состоявшейся на съезде дискуссии¹⁶. Она напрямую сформулировала само понятие «равенство при различии», подчеркнув, что только такое равенство обеспечит действительную независимость, автономию женщины при ее самоопределении. Тогда, в 1908 году, мало кто оценил прозорливость ее взгляда. Но очень скоро история эмансипации советских женщин подтвердила правоту писательницы.

Всего десятилетие спустя в России утвердилась новая советская власть. Произошел тот срыв в революцию, которого так страшилась самая дальновидная часть русской демократической интеллигенции и о которой предупреждала русская феминистка Цебрикова. Новая власть предоставила женщинам всю полноту гражданских прав и свобод, уравнив их с мужчинами перед лицом закона. По логике преобразователей страны этого было достаточно для обеспечения реального равенства женщины в обществе. И потому с независимым женским движением можно было покончить, запретив все небольшевистские объединения, группы, издания.

Возрождение независимого женского движения началось только в самом конце 1970-х годов на волне диссидентского движения. Первая группа советских феминисток возникла в 1979 году в Ленинграде. Она ставила своей целью распространение идей христианской культуры, которую противопоставляла официальной советской, и назвала себя в честь Богородицы клубом «Мария». Активистки клуба подчеркивали, что ориентация на духовно-религиозные ценности отличает их позицию от позиций западных феминисток.

Уже на первой теоретической конференции клуба одна из его основательниц Т. Горячева так выразила его кредо: «Несомненно, нужно бороться за политические и социальные права женщины, нужно требовать равноправия и равенства, но нельзя и забывать, что это равенство может обернуться равенством одинаково бесправных рабов, что никакая социальная революция не освободит женщину, если она одновременно не будет революцией духовной»¹⁷. Для подготовки этой «духовной революции» ленинградские феминистки решились на издание собственного теоретического журнала. Свой первый журнальный альманах «Женщины и Россия» группа выпустила очень быстро — к середине 1979 года он вышел в самиздате и был немедленно арестован властями. На смену ему пришел журнал «Мария», который был представлен читателям как «журнал независимого женского религиозного клуба»¹⁸.

Журнал писал о глубокоом кризисе современной цивилизации, нацеленной на тупое воспроизводство материальных благ. Ситуация в России, по словам издательниц, усугубляется еще и тем, что ее опыт отягощен поиском справедливости за счет убийства миллионов людей, за счет убийства Бога. Выход, заключали они, не столько во внешних реформах, сколько во внутреннем преобразовании человека. И здесь женщине суждено сыграть главную роль — утвердить в мире изначально данные ей качества: способность любить и жертвовать всем во имя любви. Если человечество не обратится к попираемым ныне женским ценностям и не усвоит их, его ждет неминуемый распад и гибель. Это и путь к освобождению человечества, и путь к освобождению самой женщины.

Вскоре после выхода первого номера журнала «Мария» рад его издательниц — Ю. Вознесенская,

¹⁶ См. Труды 1-го Всероссийского женского съезда. СПб., 1909.

¹⁷ «Мария», Ленинград—Париж, 1982, № 3, с. 6.

¹⁸ См. «Мария», Ленинград—Франкфурт-на-Майне, 1982, № 1.

Т. Горячева, Н. Малаховская, Т. Мамонова — были высланы из страны. Оставшиеся продолжали выпуск журнала. Несмотря на их усилия, к концу 1982 года журнал и клуб прекратили свое существование. О судьбе первых советских феминисток очень полно были осведомлены западные читатели, на родине о них почти не знали.

Еще десятилетие спустя на волне «перестройки» и лозунгов «демократизации» страны России началось становление нынешнего женского движения, очень пестрого, многосоставного. Женские клубы, группы, ассоциации растут, как грибы после дождя — насчитывается около 300 официально зарегистрированных женских объединений, а сколько еще незарегистрированных! Это — объединения самого разного типа и самых разных ориентаций, начиная от комитетов солдатских матерей и кончая Либертарианской партией, отстаивающей интересы сексуальных меньшинств. Преобладают, впрочем, объединения корпоративистского типа, такие как Российская ассоциация женщин-предпринимательниц или Ассоциация женщин-кинематографисток, или объединения женщин-писательниц. Старательно обновляются и прежние женсоветы, объединившиеся в конце 1990 года в Союз женщин России. Наряду с ними возникают группы, открыто объявляющие себя феминистскими. Их пока немного, но их влияние растет.

В канун выборов 1993 года все эти группы и объединения сбились в три больших блока: политическое движение «Женщины России», движение «Женская Лига» и «Независимый женский форум». Первые два блока были официально зарегистрированы, последний — нет. Политическое движение «Женщины России» выступало на выборах в качестве независимого блока под лозунгами расширения демократии за счет участия женщин, повышения социальной ответственности государства, проведения реформ во имя человека. И сумело одержать победу. Другое объединение — «Женская Лига», — представляющее собой не вертикальную организацию традиционного типа, а некую сеть, созданную для координации усилий и обмена информацией между 17 организациями самого разного типа, вошло в блок со смешанными организациями левоцентристского направления.

«Женская Лига» проводила свою кампанию под лозунгами паритетной демократии для женщин и мужчин и пыталась воплотить саму идею паритетного представительства обоих полов уже на уровне организации избирательного объединения. В этой кампании ее усилия успехом не увенчались. Впрочем, одна из учредивших политическое движение «Женщины России» организаций — «Ассоциация женщин-предпринимательниц России» — входит еще и в «Женскую Лигу», что обеспечивает последней представительство в нынешних структурах парламента. Третье объединение «Независимый женский форум» выставило своих кандидатов по нескольким спискам в блоках центристского типа.

Чего же удалось добиться на этих выборах российским женщинам? Для наглядности приведем несколько цифр. В 1980—1985 годах в Верховном Совете Российской Федерации женщины составляли 35% от числа депутатов. В связи с отменой квот на представительство женщин в системе Советов на выборах 1990 года их доля резко сократилась: 5,3% в составе Съезда народных депутатов, 8,9% — в Верховном Совете. На выборах в Федеральное собрание России в 1993 году женщины составили 11,4% от числа депутатов, в Совете Федерации — 5,6, в Государственной Думе — 13,6 процентов¹⁹.

Но как бы ни был важен количественный результат этих выборов, главное заключается не в нем. В ходе избирательной кампании 1993 года женщины вновь заставили заговорить о себе как об особой силе, способной активно участвовать в общественных преобразованиях. Достаточно весомая часть российских избирателей поддержала их, и, что особенно ценно, среди этих избирателей было много молодежи.

Смогут ли российские женщины удержаться на завоеванных позициях? Вопрос сложный. Многое будет зависеть от общей социально-политической ситуации в стране. Многое — от самих женщин. Ясно одно: без активного участия женщин становление демократии в России вряд ли возможно.

¹⁹Национальный доклад к IV Всемирной конференции по положению женщин. М., 1994, с. 5.